

ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК РОЗЫСКА ИВАН ПЕТРОВИЧ ЛИПРАНДИ

С.Н. Жаров

Среди имен создателей и руководителей отечественных розыскных и разведывательных органов отсутствует имя человека, много сделавшего для совершенствования разведывательной и оперативно-розыскной деятельности – кавалера многих орденов, генерал-майора Ивана Петровича Липранди. Во всяком случае, создатели «Очерков истории российской внешней разведки» не сочли нужным упомянуть его в своем труде. К со-

жалению, и ранее этому замечательному человеку отказывали в признании его заслуг, более того, современники и потомки приложили немало усилий, чтобы опорочить доброе имя Ивана Петровича. И при жизни, и до сегодняшних дней о нем упоминали и упоминают как о военном историке и критике, приятеле Пушкина, либо как о «презренной ищейке, высосавшей из пальца заговор Петрашевского». Даже сегодня внимание авторов публикаций привлекает авантюрно-лирический аспект биографии Липранди [1]. Вклад же Ивана Петровича в развитие оперативно-розыскной деятельности в политическом розыске, военной разведке и контрразведке всячески замалчивается. Автор считает своим долгом восстановить справедливость в этом вопросе.

Отец нашего героя, надворный советник Педро де Липранди, был выходцем из старого испанского рода, еще в XVII в. обосновавшегося в Италии, и в 1785 г. переселился в Россию, где у него от брака с баронессой Кусовой 17 июля 1790 г. родился сын Иван. Получив вполне приличное домашнее образование, в июле 1807 г. он поступил на военную службу колонновожатым в свиту его императорского величества по квартирмейстерской части. В 1808–1809 гг. участвует в войне со Швецией и за взятие Торнео производится в поручики, а по итогам участия в боях награжден орденом Св. Анны III ст. и золотой шпагой «За храбрость» [2].

Войну 1812 г. Липранди встретил в 6-м пехотном корпусе Д.С. Дохтурова, занимая в нем с 5 августа и до конца кампании должность оберквартирмейстера. Отличившись в сражениях при Смоленске, Бородине, Тарутине, Малоярославце, в походах 1813–1814 гг. состоит оберквартирмейстером корпуса Ф.Ф. Винценгероде. Получил штабс-капитанский чин, награжден орденом Св. Владимира IV ст. и знаком военного ордена Св. Георгия, незадолго до падения Парижа производится в подполковники. В 1815–1818 гг. служит во Франции в русском оккупационном корпусе М.С. Воронцова. По вступлении русских войск в Париж получил назначение начальника военной полиции (контрразведки. – С.Ж.). Помогал префекту парижской полиции Видоку в борьбе с заговорщиками.

Судя по последующим замечаниям и обмолвкам Ивана Петровича в дневнике, статьях и книгах, характер его службы и в Финляндии, и во Франции был достаточно специфичен: в служебные обязанности его входили контрразведка и борьба с диверсантами и партизанами. Об этом свидетельствует весьма подробная осведомленность о командирах шведских и финских партизан, осуществлявших диверсии в тылах русских войск: майорах Мальме и Дункере, и особенно поручике Тигештеде, разгромившем и уничтожившем партию Его Высочества Уланского полка поручика Лопатинского [3, с. 44]. При этом, как упоминает Липранди, «Тигештедт... в Або, в 1810 году, сам рассказывал мне все подробности этого дела» [3, с. 46]. Возможно, разговор этот состоялся не в кабачке за бокалом какого-либо напитка, а в камере.

И во Франции Иван Петрович свободно ориентируется не столько в красотах и достопримечательностях французской столицы, сколько в действиях французских партизан-диверсантов, которые «находились под начальством полковника Вернота, подполковника Лекока, эскадронного командира Дювержье и капитана Ришебрака (с которыми я имел личные сношения...)» [3, с. 49–50].

По возвращении в Россию способности контрразведчика потребовались на новом месте, но для общества блистательная карьера Ивана Петровича оборвалась – за дуэль, окончившуюся гибелью противника, его перевели в рядовой армейский Якутский полк, расквартированный в отдаленной Бесарабии, а затем в 33-й егерский полк, и якобы разочарованный Липранди 11 ноября 1822 г. выходит в отставку в чине полковника. Но поступает он на статскую службу чиновником особых поручений к своему прежнему командиру графу М.С. Воронцову, теперь новороссийскому наместнику. Здесь, в Одессе и Кишиневе, у него возникли приятельские отношения с А.С. Пушкиным, декабристами М.Ф. Орловым, В.Ф. Раевским, К.А. Охотниковым и другими, что и привело его к аресту и привлечению к следствию в январе 1826 г. Правда, уже через месяц Липранди был освобожден и даже получил годовое жалование и прогоны для возвращения к месту службы [4].

Некоторые авторы упоминают об освобождении Ивана Петровича «за недоказанностью обвинений» [1]. Это не совсем верно. Освобожденные «за недоказанностью» либо оставались в подозрении с исключением из службы, либо направлялись в горячие точки. Липранди же был освобожден по высочайшему повелению с оправдательным аттестатом. «Аттестат, как известно, немногие получили. Это ведь не просто признание недоказанности вины, это гораздо больше – признание ареста ошибкой, официальное удостоверение полной «благонадежности» бывшего арестанта» [5].

Еще во время службы в Бесарабии под началом генерал-майора Орлова по его поручению Липранди собирал разведывательную информацию о движениях турок в Придунайских княжествах и в Болгарии, для чего посылался в различные турецкие крепости под разными предлогами, свел знакомство с представителями почти всех племен и народов, населявших как княжества, так и Болгарию и собственно Турцию. Подобной же деятельностью занимался он и при службе у графа Воронцова. Талантами Ивана Петровича заинтересовался начальник Главного штаба генерал-адъютант П. Д. Киселев. Получая постоянно точные разведанные о Турции и ее войсках, он в конце концов добился монаршего разрешения на возвращение Липранди в армию, в распоряжение начальника Главного штаба 2-й армии, а в личном письме ему написал: «...это доставит вам средство своими способностями и сведениями оказать новую услугу правительству, я остаюсь в совершенной уверенности, что вы оправдаете в полной мере засвидетельствование мое перед начальством, которое конечно не оставит без возмездия...» [6, с. 53–54].

Липранди отлично понял содержащийся в этих словах опытного царедворца намек. 3-го апреля 1828 г., менее чем за месяц до начала войны, им был составлен для представления императору полный свод разведанных о Турции (которые впоследствии подтвердились даже в мелочах). Составленная по поручению графа Киселева записка «о средствах учреждения высшей тайной заграничной полиции» имела следствием высочайшее повеление на имя Липранди: «Государь Император высочайше повелеть соизволил учредить ныне же тайную заграничную полицию и начальство над оною поручить вам...» [6, с. 55–56]. Эта полиция, или, по современной терминологии, войсковая агентурная разведка на театре военных действий, была основана на несколько иных основаниях, чем разведка времен Отечественной войны. Липранди писал в своей записке: «Для собрания всех сведений относительно военных действий со стороны Турок, их приготовления и проч. необходимо поручить одному благонадежному и способному чиновнику, который бы собирая от агентов своих, находящихся в разных пунктах Молдавии, Валахии и Булгарии, составлял два раза в неделю общую записку с разделением на две части: в первой будут заключаться происшествия и достоверные сведения; в другой слухи; и заключал бы сию последнюю часть своим мнением, принимая в рассуждение обстоятельства, и все сие бы доставлял к г. Начальнику Главного Штаба 2-й армии.

Мера сия необходима для избежания разных противоречий, которые встречаются от рассылаемых Агентов, которые доставляя сведения часто ими самими выдуманные, спутывают и обременяют Начальство. Тогда как в предлагаемом способе будут иметь сущность истинных происшествий с применением обстоятельств, что гораздо удобнее сделать, будучи на месте сих происшествий...» [7, Л. 2]. Другими словами, Липранди создал резидентуру, при которой резидент контролировал истинность доставляемой агентами информации немедленно на месте, передавая командованию армией не отдельные сведения, а готовый анализ разведанной обстановки.

Посвящая почти все время разведке, Иван Петрович не забывал и о контрразведывательных и контрдиверсионных мероприятиях. В ноябре 1829 г. в Туртукае он расследовал дело известного турецкого партизана Сарачь-Оглу, участвовавшего в доставке пороха в осажденную Силистрию [8, с. 7].

Насколько высоко был ценим Липранди своим непосредственным начальством, демонстрирует курьезный случай. Австрийцы, обеспокоенные успехами не столько российских войск, сколько российской разведки, регулярно вскрывавшей двойную игру венского правительства, предпринимали попытки к ликвидации руководителя и резидента. Несколько попыток физически устранить его сорвались, но, наконец, в районе Кременчуга Липранди попал в сложную ситуацию и был вынужден раскрыть инкогнито, объявив свою фамилию и чин. Австрийское правительство не замедлило сообщить об этом Николаю I, который потребовал отстранить

Липранди от руководства разведкой и выслать из армии. Командующий 2-й армией П. Х. Витгенштейн отвечал, что «Липранди вовсе даже и не был в Трансильвании, что донесения Австрийского Правительства основаны на одних интригах, что он считает сего штаб-офицера весьма способным и что просит в случае несоизволения на определение его Начальником Заграничной полиции, назначить другого чиновника независимо от выбора его главнокомандующего: ибо он не имеет в виду никого столь способного» [7, Л. 17].

Лишь впоследствии выяснилось, что действительно в 1829 г., будучи в чине подполковника, некто Липранди имел секретное поручение наблюдать за всем, происходившим в австрийских владениях, и собрать по всей границе Молдавии самые точные сведения о действиях австрийцев. Но это был не Иван Петрович, а его родной брат Павел Петрович, будущий герой Балаклавского сражения [9]!

За свою деятельность по созданию и руководству военной агентурной разведкой в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Иван Петрович был награжден чином генерал-майора при выходе в отставку в 1832 г. Георгиевским кавалером же он стал уже во время службы в МВД, и награжден был не за конкретный подвиг, а за выслугу 25 лет в офицерских чинах.

Следующая важная страница жизни Ивана Петровича гораздо более известна: это служба чиновником особых поручений при министре внутренних дел Л.А. Перовском. Именно здесь он изобрел и применил знаменитый метод, вызвавший и до сих пор вызывающий ярость и негодование политических и уголовных преступников всех мастей (в том числе и революционеров) – провокацию, вошедшую в арсенал оперативно-розыскных мероприятий как оперативный эксперимент. Речь идет о разгроме кружка столичного юриста, чиновника министерства иностранных дел М.В. Буташевича-Петрашевского.

Основная масса эмигрантских, да и некоторая часть советских публикаций стремились представить кружок Петрашевского как невинную забаву интеллигентов, вовсе не революционную организацию, а безобидное «общество либеральных журфиксов» [10, с. 21], чтобы тем вернее заклеить Липранди как беспринципного манипулятора, готового на все ради славы и наград. Начало этому процессу положил А.И. Герцен своей известной фразой: «Заговора не было, но Липранди, как трюфельная ищейка, чуял его» [11, с. 46]. Однако отечественные исследователи выяснили, что петрашевцы были подлинно революционной организацией, заговором с целью изменения государственного строя. Как отметил А.Ф. Возный, «встав на путь организации тайных революционных кружков, петрашевцы стремились закрепить традиции декабристов по подготовке открытого революционного выступления против царского самодержавия, обогатить эти традиции пропагандой, имевшей конечной целью поднять на борьбу не только армейские части, но и широкие массы народа» [10, с. 24]. Другое

дело, что «реализовать свои широкие замыслы петрашевцы не успели. Увлечшись научными дискуссиями, пропагандой, несколько наивно полагая, что их благородная деятельность остается скрытой от глаз правительства и полиции, они, по существу, не принимали никаких мер безопасности» [10, с. 24]. И в том, что они «не успели» – заслуга Липранди и воспитанного им секретного агента П.Д. Антонелли.

В расследовании дела петрашевцев Липранди пришлось решить достаточно сложную задачу: ввести в кружок Петрашевского можно было только достаточно интеллигентного человека, но этот человек должен был донести потом на новых «друзей». Липранди впоследствии писал, что «агент мой должен был стать выше предрассудка, который в молве столь несправедливо и потому безнаказанно пятнает именем доносчиков таких людей, которые, жертвуя собой в подобных делах, дают возможность правительству предупреждать те беспорядки, которые могли бы последовать при большей зрелости подобных зловредных обществ» [10, с. 36]. Но Антонелли под руководством Липранди стал не просто доносчиком, а именно провокатором, своими действиями способствуя тому, чтобы Петрашевский раскрыл перед ним свои замыслы и задачи создаваемого общества.

При этом Липранди, в отличие от значительной части его современников, не считал донесение о правонарушениях порочным деянием. Он с сожалением писал: «Чиновник, служащий в таком ведомстве, где расходуются, скопляются или хранятся знатные суммы, лишен всякой нравственной возможности, в случае каких-либо беспорядков, при неправильном расходовании сумм, даже при самом видимом похищении из оных, доводить о том до сведения Начальства. Такой чиновник, хотя бы его донесение было вполне доказано, едва ли не везде пятнается именем доносчика (здесь и далее разрядка автора. – С.Ж.)... Такой чиновник, по существующему общему порядку вещей, в том месте служить уже не может, и скоро вытесняется под разными, впрочем, благовидными, предложениями. Другие ведомства, в которые бы он искал перейти, естественно, чуждаются его, и он погибает безвозвратнее самого казнокрада...» [12, с. 24–25]

Поэтому Липранди разработал и теоретически обосновал необходимость применения оперативно-розыскных методов, главным образом оперативного внедрения и внутреннего наблюдения, при расследовании большинства преступлений по должности: «Возвышенные сановники, при всем своем стремлении к благу, одни не были бы в возможности проникнуть в эти тайники и каждому нравственному недугу противопоставить соответствующее противоядие. Не многие из них прошли по чиновничьей лестнице в различных ведомствах, а по тому им вовсе чужды пути, ведущие к многочисленным родам злоупотреблений. Второстепенные лица, знающие подробно все проделки, обращаясь, по многочисленным поручениям, среди всех ведомств, и от природы общительные и любознательные, могли ли им добродушно содействовать? Трудно решить, по множеству

весьма уважительных причин» [12, с. 27–28]. Другими словами, в деле предупреждения и пресечения преступлений Липранди видит три этапа: первый – желание власти восстановить нарушенный правопорядок; второй – отыскание лиц, «знающих все проделки» и в то же время «общительных и любознательных»; и третий – стимулирование их желания «добродушно содействовать», то есть вербовка. После чего раскрытие любого, самого запутанного преступления, по Липранди – лишь вопрос времени. В частности, в деле Петрашевского ему понадобился год.

Именно этого изобретения и не могут до сих пор простить Ивану Петровичу революционеры и преступники. В этом отношении интересен феномен одного из исследований, принадлежащего перу А.Ф. Возного. Многолетний опыт службы в милиции позволил ему по справедливости оценить и суть изобретения Липранди, и его мастерское применение в деле петрашевцев. Однако идеологические установки того времени требовали непременно ругать и унижать Липранди. И Возный прибегает к «эзопову языку», которым в свое время мастерски владели Белинский и Добролюбов. Обзывать Липранди «инквизитором» и «трюфельной ищейкой» он предоставил Герцену, цитируя его. Собственные же эпитеты звучат скорее как признание достоинств: «Опытный расторопный чиновник»... вместе с Перовским «оба жаждали чинов и наград, оба вместе хотели быть «героями» родины, ее «спасителями»... «умел хранить тайну» [10, с. 31] и т. п.

Подлинной насмешкой над партийными цензорами звучит в книге Возного обвинение Липранди в трусости: «В 6 часов утра для ареста Петрашевского к его дому прибыли Липранди и начальник штаба корпуса жандармов генерал Дубельт. Липранди оставался в карете (ведь Антонелли предупреждал о возможности вооруженного сопротивления), а Дубельт вошел в квартиру...» [10, с. 52]. Действительно, для понимания истинного смысла этой фразы необходимо хотя бы поверхностно знать биографию Липранди, неоднократно месяцами в одиночку пробиравшегося по вражеской территории, собирая агентурные сводки, или вступавшего в единоборство с финскими, французскими, турецкими диверсантами. С такой биографией просто смешно бояться не служившего в армии адвоката и переводчика, хотя бы и увешанного оружием. А остался в карете Иван Петрович по другой причине: ведь арест и следствие были поручены III Отделению, и Липранди, указав дом Петрашевского, не имел права участвовать в аресте, поскольку был чиновником МВД.

Тем не менее общественное мнение единогласно осудило Липранди. «Кодекс дворянской чести ни в коей мере не возбранял секретно действовать на пользу возлюбленного отечества – в видах его безопасности внешней. Но тот же кодекс абсолютно исключал шпионство «внутреннее». «Известный доносчик по делу Петрашевского» – так аттестовался шестидесятисемилетний отставной генерал в первом же выпуске «Колокола» [13]. К либералам добавили свое влияние и руководители ведомств, чьи чиновни-

ки попали под следствие, поскольку, как выяснилось, они занимались в кружке Петрашевского изучением западной философии с официального разрешения своего начальства [14, с. 368]. Вместо ожидаемых наград Липранди вынужден был уйти в отставку.

Но и на покое ветеран розыска стремился принести пользу отечеству: с началом Крымской войны он опубликовал несколько аналитических статей о состоянии турецкой армии, экономики, национальном вопросе, некоторые из них, ввиду их большой ценности, Военная типография перепечатала как отдельные издания для распространения в войсках. В преддверии новой войны с турками, в 1877 г. он опубликовал большую лекцию, прочитанную в Императорском обществе истории и древностей российских, членом которого состоял с 1866 г.: «Взгляд на настоящий театр военных действий на Дунае и на содействие, которое мы можем встретить в Болгарии», где изложил не только свои воспоминания с прошедшей войны 1828–1829 гг., но и предложил развернутый план организации разведывательной и контрразведывательной службы в Придунайских княжествах. Увы, предложения ветерана остались невостребованными.

Иван Петрович Липранди умер в бедности, вынужденный незадолго до смерти даже продать Генеральному штабу свою уникальную библиотеку. Но разработанные им методы разведки и розыска взяты на вооружение, и потому заслуженный генерал-майор по-прежнему остается в строю оперативно-розыскных работников.

Библиографический список

1. Корнеев, А. «Таинственность окружала его» / А. Корнеев // Культура. – 2008. – № 3 (24–30 января).
2. Липранди, И.П. – <http://print.biografija.ru/?id=77627>
3. Липранди, И.П. Некоторые замечания по поводу двух сочинений, вышедших под названием «Малая война» / И.П. Липранди. – СПб.: Тип. МВД, 1851.
4. Липранди И.П. – <http://lib.rin.ru/doc/i/55481p5.html>
5. Термин «Декабристы» в русской культуре. – http://www.dekabristy.ru/ist_ros/gos_ob/ob_org/decab/termin/t_dec.htm
6. Липранди, И.П. Взгляд на настоящий театр военных действий на Дунае и на содействие, которое мы можем встретить в Болгарии / И.П. Липранди // Чтения ИОИДР при Московском университете в 1877 г. – М.: Универс. тип. (М. Катков), 1878. – Кн. 3.
7. РГВИА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 2552.
8. Липранди, И.П. Охранительные меры турецких лагерей, извещательные партии и т.п. / И.П. Липранди. – СПб.: Тип. МВД, 1854.
9. Липранди И.П. – http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=77628
10. Возный, А.Ф. Полицейский сыск и кружок петрашевцев / А.Ф. Возный. – Киев: КВШ МВД СССР, 1976.

11. Герцен, А.И. Сочинения: в 9 т. / А.И. Герцен. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 8.
12. Липранди, И.П. О взятках, взяточниках и доносчиках / И.П. Липранди. – М.: Университетская тип. (Катков и К^о), 1870.
13. Волгин, И. Пропавший заговор / И. Волгин // Октябрь. – 1998. – № 1.
14. Сокольский, Ю.М. Цари и министры / Ю.М. Сокольский. – СПб.: ООО Издательство «Полигон», 2000.